

внешний атрибут, как способ существования соответствующих реалий или концептов. Однако предметом изучения, и, следовательно, релевантным для существа описания «внутренним» концептом он становится только в перспективе рассмотрения явлений более низкого уровня с теоретических позиций более высокого уровня научной рефлексии. Как и многоуровневое строение лингвистического знания, двойственность интерпретации концепта «время» в нем неочевидна без специального анализа, так как на всех уровнях лингвистического анализа используются одни и те же лексические и грамматические средства.

Литература

1. Березин Ф. М., Русское языкознание конца XIX начала XX вв. - М.: Наука, 1976. С.4
2. Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования, Избр. тр.: Пер. с англ. / Общ. рад. Г.И.Рузавина и В. А, Смирнова Сост. и авт. предисл. В.А.Смирнов. - М., 1986.
3. Вышкин Е. Г. Принципы метатеоретического описания и их приложение к интерпретации проблем современного языкознания / Под редакцией проф. Л. И, Баранниковой. Самара, СамГАСА, 1998.
4. Вышкин Е. Г. Проблемы систематизации лингвистического знания. Изд-во Саратов. ГУ, Самарск. филиал, 1992.

Е.В.Горбачев

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СТРАТЕГИЙ ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЫ В ФРГ

Вслед за Т. ван Дейком стратегия понимается нами как некое когнитивное представление о наиболее эффективном образе действия для достижения какой-либо цели: «...если план - это глобальный концепт макродействия и его финального результата или цели, то стратегия - это глобальное представление о средствах достижения этой

цели <...> План - это лишь глобальное представление действия... Стратегия же - это глобальное мысленное представление стиля или способа осуществления действия наиболее эффективным образом» [Цит. по: 1. С. 55-56].

Т.е. стратегия есть концепт некоего образа действий, который заранее обдумывается актором исходя из его целей и с учетом сопутствующей ситуации - в нашем случае - ситуации борьбы за избирателя в рамках предвыборной кампании.

Под языковой стратегией в статье понимается языковое (прежде всего посредством семантики) выражение стратегий той или иной партии, направленное на достижение определенной экстралингвистической цели. Таким образом, за рамки исследования выносятся все иные формы существования стратегий: например, организационные моменты предвыборной борьбы и иные (неязыковые) формы ее выражения (например, семиотика рекламных плакатов и т.д.)

Далеко не все рассматриваемые ниже методы анализа политических текстов имеют непосредственное отношение к исследованию языковых стратегий предвыборной борьбы, так как, по нашим сведениям, в принятом здесь понимании стратегии предвыборной политической коммуникации пока не исследовались. Поэтому мы рассмотрим наиболее значимые, по нашему мнению, методологические подходы к исследованию стратегических моментов политической коммуникации и попытаемся изучить возможность их применения для исследования стратегий предвыборной борьбы.

Рассматриваемые ниже подходы сложно классифицировать по какому-нибудь единому признаку. Сложность в создании подобной типологии объясняется различием привлекаемого к исследованию материала, различным характером поставленных в исследовании задач, приверженностью исследователей разным теоретическим школам. Однако в первом приближении представляется возможным выделить три группы подходов к исследованию стратегических аспектов политической коммуникации и рассмотреть их на примере трех концепций, на наш взгляд, в наиболее завершенном виде использующих возможности того или иного метода:

1. Интегративный (или классический) подход (концепция Г.Д.Циммермана - Й.Фольмерта)
2. Интеракционистский подход (концепция Й.Кляйна)
3. Когнитивный подход (концепция М.Хубеншмида)

Первая группа методов ориентирована на анализ риторических интенций, стратегий и механизмов их осуществления в текстах пуб-

личных выступлений ведущих немецких политиков. Одной из классических в методологическом отношении работ является исследование Г.Д.Циммермана [6]. Автор его, с одной стороны, опирается на традицию исследования риторических фигур, а с другой - предлагает подходы, послужившие впоследствии Й.Фольмерту основой для создания т.н. интегративной модели анализа политического текста. Среди них методика исследования процессов номинации в политической речи, основывающаяся на делении объектов номинации на тематические группы, методика исследования дейктических элементов (в том числе путем членения совокупности местоимений на функционально-смысловые группы) и т.д.

В наиболее полном виде эти идеи развиты Й.Фольмертом в работе 1989 г. (посвященной анализу речи председателя фракции СвДП в Бундестаге 01.10.1982 г. В.Мишника), объектами исследования в которой являются:

- номинация важных в политическом отношении объектов (а такими, по Фольмерту, являются все имена существительные) (Etikettierung);

- приписывание этим объектам каких-либо свойств - атрибутизация (Attribuierung);

- процессы вербального планирования речи;

- риторические роли, принимаемые оратором (преимущественно местоименный дейксис) [5. С.10].

Объединяя в некое подобие единой системы это гетерогенное множество исследуемых явлений, Фольмерт пытается создать «интегративную» модель анализа политического текста и выявить с ее помощью скрытые или явные риторические стратегии, присутствующие в тексте публичного политического выступления. Термин стратегия используется Фольмертом в инструментальном значении: «Стратегия, рассмотренная процессуально, есть фаза социальной деятельности, при которой целевое ориентирование переводится в формы коммуникативного высказывания» [5. С.44]. Среди таких стратегий публичной речи немецкий лингвист выделяет следующие:

- изображение, представление (Darstellung)

- провозглашение (Proklamation);

- демонстрация тех или иных мнений (Demonstration der Meinungen);

- побуждение, поощрение к чему-либо, рекомендация (Ermunterung, Empfehlung);

- требование определенного поведения (Aufforderung zu einem bestimmten Verhalten) [5. С.29].

В связи с претензией автора на создание интегративной, наиболее полной модели анализа политического текста не совсем понятными представляются принципы отбора объектов исследования. Интегративный характер модели, по нашему мнению, предполагает необходимость учета как можно большего количества уровней исследования. Однако в модели Фольмерта не рассматриваются риторические фигуры, игнорируется стилистическое своеобразие текста и т.д. Целостность методологического подхода нарушает к тому же явное акцентирование одних объектов исследования и невнимание к другим, на наш взгляд, не менее важным. Так, например, из исследования почти полностью исключены глаголы.

Экспликация Й.Фольмертом риторических стратегий в политическом тексте, безусловно, плодотворна, однако она не является центром исследования и закономерным результатом анализа всех уровней исследуемых единиц. Немецкий исследователь сосредоточивает основное внимание скорее на обнаружении психодинамических механизмов, накладывающих отпечаток на номинацию и атрибуцию в политическом тексте, чем на выявлении стратегий политической борьбы в понимании, представленном в данной статье.

К тому же представляется, что сплошное исследование всей лексики, используемой в актах номинации, атрибуции и т.д., не совсем продуктивно. Мы полагаем, что для исследования, например, семантических стратегий необходимо ограничиться отбором и анализом достаточно часто повторяющихся единиц значения.

В связи с этим возникает вопрос о количестве текстов, необходимом для достижения репрезентативности исследования. Анализ одного единственного текста (в работе Й.Фольмерта) или небольшого их количества (в работе Г.Д.Циммермана), на наш взгляд, не может ответить на вопрос, насколько своеобразны и уникальны семантические и иные стратегии, используемые их автором (авторами), и насколько они характерны для представителей данной политической партии, группировки или политической системы в целом.

Вторую группу методов, направленных на анализ диалогической формы политической коммуникации, можно было бы условно назвать интеракционистской. Подход, при котором основной акцент делается на исследовании монологических высказываний, на первый взгляд, кажется несколько искусственным и статичным: ведь *idealiter* политическая борьба предполагает агональный характер речевой коммуникации. Однако полемическая заостренность политического текста, апеллирование к противнику не тождественны его экспли-

цитному присутствию в тексте. По сути, политическая коммуникация в значительной мере монологична, речевые дуэли политиков относительно редки.

Тем не менее Й.Кляйн пытается создать прагматическую теорию коллективной генерации речи (учитывающую нормы и логику функционирования интеракционных систем, а также интенции и взаимную интерпретацию интерактантов) [3. С.33].

В его работе 1981 г. речь идет об экспликации «типичных институциональных языковых моделей (Sprachmuster)» наиболее важных форм поведения в чреватой конфликтом ситуации внутри партии и о проверке пригодности теории речевых актов (в дальнейшем ТРА) для реконструкции значения речевых действий исследуемого типа [3. С.4].

Й.Кляйн выделяет следующие речевые стратегии уклонения от конфликта (X есть чреватая конфликтом тема):

- 1) X не эксплицируется;
- 2) если X все-таки эксплицируется, то значение ее преуменьшается;
- 3) на упоминание X извне в партии реагируют таким образом, чтобы не спровоцировать конфликт внутри ее [3. С.5].

Убедительно показав невозможность использования ТРА для объяснения подобного поведения участников политической интеракции (нарушающих многие Грайсовы максимы коммуникации), Й.Кляйн пытается разработать собственную методологию, основанную на конституировании смыслов участниками политической дискуссии путем построения ими гипотез относительно речевого поведения друг друга. Совершенно справедливо исходя из тезиса о том, что прагматическая интерпретация высказывания есть процессуально осуществляемая «гипотетическая интерпретация», Й.Кляйн полагает, что прагматическое значение может реконструироваться только как значение для кого-либо, а экспликация гипотез о значении, делаемых партнером по коммуникации, является составной частью анализа прагматического значения [3. С.16].

В качестве примеров интеракционных систем Й.Кляйн приводит: 1) систему «непринужденно-откровенного повседневного общения и его норм», 2) систему «партии и ее нормативной иерархии» и т.д. [3. С.17]. Таким образом, та или иная интерактивная система конституируется господствующими в ней нормами общения и их иерархией. На основе этой иерархии норм коммуникации представители той или иной интеракционной установки строят гипотезы по поводу речевых действий участников политической дискуссии. Схематично это может быть представлено следующим образом:

А полагает, что В полагает...;

В полагает, что А полагает...;

А полагает, что В полагает, что А полагает...;

В полагает, что А полагает, что В полагает... и т.д.

Число гипотез, таким образом, математически ограничено количеством обсуждаемых тем, относительно которых эти гипотезы выдвигаются, и числом групп коммуникантов.

Представляется, что подход, предложенный Й.Кляйном в данной работе, несмотря на целый ряд ценных идей, в эвристическом отношении не совсем продуктивен. Методические посылки немецкого исследователя, основанные на индуктивном выведении типичных институциональных языковых моделей, в принципе пригодны для анализа языковых стратегий политической борьбы, однако представляется, что отказ от анализа формальной стороны проблемы, т.е. способа (вида) представленности той или иной стратегии в тексте и сосредоточение на смысловой стороне вопроса несколько обедняет исследование. Й.Кляйна главным образом интересует вопрос о том, что подразумевается в том или ином высказывании политика и как это содержание интерпретируется другими участниками коммуникации, а не вопрос, как это содержание представлено в тексте. Последнее обстоятельство, по нашему мнению, не может быть исключено из круга исследуемых проблем.

В последнее время при анализе политических текстов приобретает все большее значение учет когнитивных процессов, имеющих место при создании подобных текстов и отражающихся в их структуре. Одна из таких концепций, цель которой заключается в «описании элементарных стратегий создания текста, разработке модели, объясняющей перенос структур знания и информации в структуру текста» [2. С.2], представлена в работе М.Хубеншмида 1998 г.

В основе данной концепции лежит положение о структурном изоморфизме между когнитивной моделью оценки ситуации и моделью политического текста. Так, по Хубеншмиду, в структуре политического текста должны быть представлены следующие структурные элементы действия как такового: контекст действия, оценка ситуации, мотивация, постановка цели, образование плана, стадия выполнения (= текст), результат выполнения, следствия [2. С.86].

Обращает на себя внимание неправомерное отождествление М.Хубеншмидом структурной стороны когнитивных процессов и речевых актов. Естественно, нельзя отрицать, что в основе любого речевого акта лежат мыслительные процессы, однако столь прямолинейное

отождествление тех и других, как и утверждение структурного изоморфизма ментальных и коммуникативных процессов, представляется недопустимым даже в чисто инструментальном плане.

Опираясь на различие целевой причины действия и его каузальной причины и рассматривая политическую коммуникацию в рамках ТРА, М.Хубеншмид фактически приходит к закономерному, на наш взгляд, выводу о недостаточности ТРА для обнаружения каузальных (иными словами, стратегически обусловленных) причин речевого действия: «Обычно мы как интерпретаторы действий или языковых действий узнаем их конвенциональное значение и отсюда делаем вывод о содержащихся в образцах целях соответствующих действий. Труднее реконструировать «Weil-Motiv» (т.е. каузальную причину) говорящего и проанализировать ... стратегическое значение действия» [2. С.38].

Таким образом, сам автор опытным путем подтверждает бессилие используемой им теории (т.е. ТРА) в объяснении стратегических мотивов деятельности политика.

Необходимость создания модели политического текста объясняется автором концепции тем, что «разработанных моделей текста, которые могли бы быть положены в основу анализа текста политического выступления и были бы применимы к сложным текстам, просто не существует» [2. С.5].

Мы полагаем, что отсутствие подобной модели должно натолкнуть лингвиста на сомнения по поводу принципиальной возможности ее создания. В качестве оснований подобного положения вещей можно привести следующие доводы.

1. Политические тексты являются слишком гетерогенными по своим стилистико-структурным характеристикам (что является отражением различия интенций их авторов).

2. Любая модель, схема есть отвлечение, абстрагирование от конкретного проявления текста. С помощью схемы можно проанализировать некоторые структурные особенности текста, его композицию и т.д., но, по нашему глубокому убеждению, в политическом тексте главное не его архитектоника, а идеологическая направленность. Естественно, стилистическая завершенность текста, отражающаяся в его структуре, важна для достижения конечного эффекта, но она все же выполняет вспомогательную роль. Вектор идеологического воздействия задается семантикой текста, именно с ее помощью автор текста пытается создать у получателя информации определенную картину ситуации.

На наш взгляд, главная ошибка ТРА заключается в педалировании конвенциональности речевых актов и особенно их последствий. ТРА не учитывает того факта, что речевой акт является лишь средством для достижения других, стратегических целей, и что говорящий сможет более эффективно их добиться, если будет использовать для этого коммуникативное действие, которое более благоприятно воспринимается окружающими [4. С.20]. В связи с этим нельзя не согласиться со следующим положением Г. Мюллера: «Так как это воздействие (говорящего на слушающего. - Е.Г.) привязано не к определенным типам речевых актов, а к условиям ситуации в целом, то отношение между высказыванием и выводимыми из него действиями как неконвенциональными следствиями также должно описываться не в категориях «речевой акт» и «перлокутивный эффект», а в категориях «стратегия» и «диспозиция к действию» (Handlungsd disposition)...» [4. С.20].

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что стратегии предвыборной борьбы, на наш взгляд, могут исследоваться только индуктивно. Дедуктивный метод реконструкции используемых в ходе предвыборной кампании стратегий был бы в принципе возможен, если бы исследователь обладал той полнотой информации и знанием контекста, которые присущи тем, кто эти стратегии генерирует или, по меньшей мере, претворяет в жизнь, на что в силу объективных обстоятельств не приходится надеяться. Помимо того, как уже было показано на примере концепции М. Хубеншмида, для исследования политического текста неприемлемы лишь абстрактно-структурные методы. С их помощью можно изучить не собственно политическое, а в лучшем случае присущее всем текстам как таковым начало.

Основываясь на таком понимании языковой стратегии предвыборной борьбы и принимая в расчет характер текстов заявлений для прессы фракций ХДС/ХСС и СДПГ 1998 г., на материале которых производится анализ языковых стратегий предвыборной борьбы, мы предлагаем (в качестве одного из множества принципиально возможных) следующий алгоритм исследования данного типа текстов.

1. Выделение на каждом из этапов предвыборной борьбы стратегически значимых «блоков» высказываний, иначе говоря, направлений стратегической «обработки» реципиентов.

2. Выделение в рамках блоков наиболее часто встречающихся выражений, затем - экспликация на их основе моделей стратегически значимых высказываний.

3. Лингвистический анализ полученных таким образом моделей (например, на завершенность-эллиптичность, вариативность, тавтологичность и эмфатичность).

4. Исследование на разных этапах предвыборной борьбы динамики изменения соотношения между различными «блоками» (учитываются все стратегически значимые упоминания, которые можно отнести к данному «блоку»). Обнаруженные изменения соотношения «блоков», а также моделей можно трактовать как знак изменения стратегии той или иной партии в связи с изменением ситуации предвыборной борьбы, иными словами - как попытку адаптации к изменившимся условиям. Это позволяет, в частности, исследовать степень интенсификации определенных видов стратегической деятельности с приближением к дате выборов.

5. Выделение семантических механизмов, характерных для политической коммуникации и являющихся своего рода носителем экстралингвистически обусловленных стратегий политической борьбы.

6. Сравнение выявленных особенностей функционирования стратегий предвыборной борьбы в текстах правящей (на тот момент - ХДС/ХСС) и оппозиционной (СДПГ) партий.

Представляется, что предлагаемая методика поможет выявить экстралингвистическую обусловленность политической коммуникации и объяснить ее динамику исходя из условий предвыборной борьбы. Мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемая модель не учитывает всех нюансов стратегического использования языковых средств и является довольно грубым растром. Однако, мы полагаем, она поможет получить адекватное представление о механизмах воздействия на избирателей прежде всего посредством семантики текстов. В целях сохранения методологического единства используемого подхода мы считаем возможным отказаться от анализа стилистических фигур, синтаксиса и т.д., что могло бы существенно дополнить общую картину использования языка политиками в манипулятивных целях.

Литература

1. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с нем. и англ. Волгоград, 1997.

2. Hubenschmid, M. Text und Handlungsrepräsentation. Ein Analysemodell politischer Reden am Beispiel V. I. Lenins. München, 1998.

3. Klein, J. Sprachstrategien zur innerparteilichen Konfliktvermeidung oder Wie ist die Rekonstruktion interaktionaler Bedeutung möglich? In: J. Klein / G. Presch. Institutionen - Konflikte - Sprache. Tübingen, 1981. S.1-35.

4. Miller, G. Das Wahlplakat. Pragmatische Untersuchungen zur Sprache in der Politik am Beispiel von Wahlplakaten aus der Zeit der Weimarer Republik und der Bundesrepublik. Tübingen, 1978.

5. Volmert, J. Politikerrede als kommunikatives Handlungsspiel: Ein integriertes Modell zur semantisch-pragmatischen Beschreibung öffentlicher Rede. München, 1989.

6. Zimmermann, H. D. Die politische Rede. Der Sprachgebrauch Bonner Politiker. 3. Aufl. Stuttgart, 1975.

А.И.Пичкур

Самарский государственный университет

ПРАГМАТИКА ОБНОВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МЕТАФОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ НЕМЕЦКИХ СМИ)

Инновационные семантические процессы в языке СМИ тесно связаны с проведением различных политических кампаний. Долговечность и степень ассоциативного развертывания образов, используемых для экспрессивно-оценочного означивания понятий, процессов и явлений, обусловлены масштабами политической кампании и ее актуальностью как для политиков, так и для общества в целом. Такой масштабной метафорой в 80-90-е годы стало выражение «обще-европейский дом». Поскольку политический процесс, означенный указанной языковой единицей, затрагивал интересы не только европейского населения, но и всего мира, то «обще-европейский дом» стал неотъемлемой частью общественно-политического лексикона во многих языках. Этот метафорический образ с легкостью подвергается обновлению и расширению за счет использования отдельных структурных элементов концепта «дом как жилище человека» (квартира, окно, лестница, лифт, соседи и т.д.). Очевидно, что данный концепт отвечает ряду важных факторов, составляющих специфику организации языковых средств в текстах СМИ и обусловленных в первую очередь массовостью, неоднородностью адресата.

Одним из таких факторов является серийно-типизированный характер образных средств в текстах СМИ. Образному переосмысле-